

ЮРИЙ МУХИН ГЕНЕРАЛЬСКАЯ МАФИЯ

ОТ КУТУЗОВА
ДО ЖУКОВА

Запрещенная история. От вас это скрывают!

Юрий Мухин

**Генеральская мафия –
от Кутузова до Жукова**

«Яуза»

2013

Мухин Ю. И.

Генеральская мафия – от Кутузова до Жукова / Ю. И. Мухин — «Яуза», 2013 — (Запрещенная история. От вас это скрывают!)

Самая спорная и «неполиткорректная» книга ведущего историка-сталиниста. Продолжение острой дискуссии, начатой бестселлером «Если бы не генералы!». Запретная правда об Отечественных войнах 1812-го и 1941–1945 гг. Опровержение главных военно-исторических мифов. Вопреки кремлевскому официозу без оглядки на цензуру, это сенсационное расследование разоблачает самых «неприкасаемых» псевдогероев и отвечает на самые неудобные вопросы: Кто «подставил» русскую армию под Бородином, сознательно обрекая на гибель войска Багратиона? Зачем потребовалось сдавать французам Москву, хотя в этом не было никакой военной необходимости? По чьей вине Наполеон смог вырваться из России, избежав верного плена? Почему за победы в обеих Отечественных войнах пришлось заплатить такую страшную цену? Что общего между Жуковым и Кутузовым? И как вывести на чистую воду генеральскую мафию, которая ради собственных шкурных интересов подменяет историю пропагандой, воспевая провальные операции вроде жуковского наступления под Ельней или позорного фиаско Кутузова на Березине и замалчивая такие блестящие победы русского оружия, как Прейсиш-Эйлау и ворошиловский контрудар под Сольцами, ставший первой успешной операцией Красной Армии в Великой Отечественной войне.

© Мухин Ю. И., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Предисловие	5
Глава 1 Конкуренты	8
Кратко об источниках информации	8
Воспоминания Ермолова	9
Генерал Беннигсен	12
Прейсиш-Эйлау	15
Битва под Аустерлицем. Официальная версия	20
Битва под Аустерлицем. Реконструкция	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юрий Игнатьевич Мухин

Генеральская мафия – от Кутузова до Жукова

Предисловие

Начну с того, что есть ИСТОРИЯ – объективные знания о прошлом и есть ПРОПАГАНДА – те знания, которые полезны обществу или правящему в обществе режиму. Отсюда понятно, что потребности истории в истине и потребности пропаганды могут сильно не совпадать. С ходу осуждать пропаганду во лжи или тенденциозности нельзя, поскольку во время войны пропаганда – это всегда главный род войск, а в некоторых войнах и основной.

Однако пропаганда хороша и необходима только в самой войне – в этот момент она конструктивна, поскольку позволяет государству защититься, но когда после войны пропаганде придают статус истории, то последствиями этой пропаганды будут деструктивный самообман и непрерывные ошибки в настоящем. Или, если сказать о том же, но другими словами, – при организации обороны своей страны от внешнего врага и при оценке силы этого врага нужны факты, а не легенды. И если мы имеем вместо истории пропаганду, то можем основываться совершенно не на том, что нам нужно было бы для своей обороны иметь в первую очередь.

Это книга не вообще о пропаганде или истории, а о генералах и адмиралах в пропаганде и реальной истории.

Совершенно очевидно, что во время войны пропаганда требует безмерно возвеличивать полководческие таланты своих, скажем, русских полководцев и беззастенчиво унижать способности полководцев врага скажем, немцев. Почему? Потому что неверие войск в своих полководцев и страх перед полководцами врага имеет последствия, в зависимости от масштаба войны, тысячи и миллионы убитых своих же солдат и поражение в войне.

Однако после войны потребности истории требуют возвеличивать тех, кто действительно отличился полководческим талантом и героизмом, и унижать дураков, трусов и предателей среди полководцев. Почему? Потому что пропагандистская слава полководцу создается по велению начальства, а подвиг полководца – его собственными умом и мужеством. И любой стране нужны только те генералы, которые собираются приобрести свою славу исключительно подвигом своего ума и мужества, а не лизоблюдством. Если историческую истину не восстанавливать, то армию неумолимо заполнят лизоблюды, бесполезные для страны и опасные для армии.

Чтобы было понятно, о чем разговор, приведу такой пример.

По плану нападения на СССР «Барбаросса» основной удар немцев следовал из района Белоруссии через Смоленск на Москву. С взятием Москвы, крупнейшего железнодорожного узла, европейская часть Советского Союза разрывалась на отдельные части, что, по мнению Гитлера, и означало конец войны – СССР оказался бы не способным к дальнейшему сопротивлению. Однако прорыв к Москве возможен был только в случае, если на севере и на юге немецкие войска разгромят советские армии. В центре, из-за предательства командующего в этом месте советскими войсками генерала Павлова, у немцев все шло по плану, они взяли Смоленск и вышли на прямую линию к Москве, а сил защитить Москву у СССР пока не было. Но Гитлер продолжать наступление в центре не мог потому, что на юге и севере план «Барбаросса» не был исполнен. Советские войска здесь отступали, но не были разгромлены. Следовательно, сорвали план «Барбаросса» командующие войсками на юге и севере – Буденный и Ворошилов. Казалось бы, должна история отдать им за это должное?

Скажем, 14 июля 1941 г. Ворошилов четырьмя дивизиями под городом Сольцы начинает операцию по окружению немецкого танкового корпуса под командованием Манштейна, немцы еле вырываются, оставляя в наших руках тылы и штабы. В начале августа посланная Манштейну в помощь дивизия СС «Мертвая голова» была разбита, потеряла две трети своего состава и сведена в один полк. Но под давлением немцев Ворошилов отводит войска к Ленинграду, он защитил город от захвата, но был не в состоянии защитить от блокады. Тем не менее Гитлер понял, что Ленинград он у Ворошилова не возьмет, поэтому *«6 сентября 1941 года Гитлер своим приказом (Weisung № 35) останавливает наступление группы войск «Север» на Ленинград, уже достигших пригородов города, и отдает приказание фельдмаршалу Леебу отдать все танки Гепнера и значительное число войск для того, чтобы «как можно быстрее» начать наступление на Москву»*. Таким образом, с 6 сентября число и сила немецких войск под Ленинградом значительно уменьшаются. Через неделю, 13 сентября, в Ленинград приезжает Жуков с приказом прорвать блокаду Ленинграда. Прорвать блокаду не смог, хотя и положил десятки тыс. советских солдат в своих бездарных попытках выполнить полученный приказ.

А что об этом говорится в нашей «истории»? А в «истории» Жуков стал великим полководцем за то, что не дал немцам штурмом взять Ленинград, который немцы и не собирались штурмовать. А Ворошилов? А о Ворошилове практически у всех историков и литераторов можно прочесть нечто подобное: *«10 июля 1941 г. был назначен главнокомандующим Северо-Западного направления. Однако здесь обнаружилась полная несостоятельность его как руководителя в современной войне»*.

Что получилось? Бездарность, оказавшая в мирное время услуги Хрущеву, стала великим полководцем потому, что Хрущев заказывал, так сказать, историкам не историю, а пропаганду. Соответственно, нормальный полководец Ворошилов был низведен историками до уровня дурака.

Подумайте, какое поведение отечественным генералам мы задаем такой «историей»? С риском для жизни во время войны напрягать свой интеллект на решение полководческих задач или в мирное время оказывать некие услуги различным Хрущевым и их окружению?

Народу, на шее которого сидят эти генералы, нужны такие полководцы?

Еще пример, который до сих пор у многих перед глазами. После Великой Отечественной войны, повторю, пропаганда не была заменена историей, и все генералы той войны вне зависимости от совершенных ими подвигов стали безусловными «героями» и «великими полководцами». Это сильно помогло СССР? Каких генералов Советский Союз стал иметь к своему концу? Мы увидели их – тех, которые, не колеблясь, предали присягу, данную советскому народу. И не только спокойно смотрели на развал страны, целостность которой они присягали сохранять, но и активно участвовали в этом развале собственной страны и последовавшем грабеже ее остатков. Какому народу нужны такие генералы – идущие в армию не для защиты своего народа, не для исполнения данной народу присяги, а для корыстного услужения начальству?

А если бы советский народ после войны, к примеру, узнал, что командующий Западным Особым военным округом Павлов в 1941 г. показал на заседании военного трибунала, что до войны начальник Генштаба Красной Армии Мерецков своим друзьям в генеральской среде постоянно указывал на *«неизбежность поражения Красной Армии в предстоящей войне с немцами»*. И убеждал Мерецков в этом коллег не для того, чтобы обдумать, как не допустить поражения, нет! Мерецков убеждал коллег, что *«в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет»*.

Председатель военного трибунала Ульрих не поверил и переспросил Павлова: *«Такой разговор у вас с Мерецковым был?»*

Павлов. Да, такой разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 года в Райволе.

Ульрих. *Кому это «нам» хуже не будет?*

Павлов. *Я понял его, что мне и ему.*

Ульрих. *Вы соглашались с ним?*

Павлов. *Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват».*

Но ведь Мерецков считался в послевоенном СССР героем и выдающимся полководцем! Так что же мы удивляемся, что генералы СССР образца 1991 г. (за редким исключением, только подчеркнувшим правило) дружно согласились, что им и при американцах во главе остатков СССР хуже не будет? Какая им разница, какому начальнику зад лизать? Это же проще и безопаснее того подвига, которого от них ждал народ, подвига, который они обязались исполнить в присяге и за обещание которого советский народ их содержал.

И началось подобная подмена истории пропагандой не вчера. Возможно, такое всегда было, но, по моему мнению, особо такая подмена расцвела после войны 1812 года.

Так что в итоге?

В итоге о своих полководцах лучше всего знать правду, какой бы она ни была.

Как ни странно, но у многих существует устойчивое мнение, что историческая ложь нас, ныне живущих, прославляет, дескать, возвеличивать предков это очень патриотично.

Это дикое заблуждение, во-первых, потому, что нам есть кем гордиться и без липовых героев. Однако по причинам, показанным выше, когда начинают прославлять липовых героев, о настоящих героях забывают. Поверьте, это так.

Во-вторых, надо поменьше прятаться за предков, поскольку мы сами скоро ими будем, а нас могут прославить не дела наших предков, а только и исключительно наши собственные дела.

Глава 1 Конкуренты

Кратко об источниках информации

Дискуссия об интеллекте государственных деятелей у меня на сайте быстро отошла от заданной темы, что обычно и бывает, но неожиданно для меня коснулась темы Кутузова и войны 1812 года. Я не готов был много об этом писать, поскольку в своих работах эту войну как-то обходил, ввиду того что не видел в ней примеров для раскрытия тех тем, которыми занимался. В связи с этим я и знал о войне 1812 года, пожалуй, не более того, что знают (знали раньше) все. Однако как-то прочел воспоминания генерала Ермолова, в которых высказан определенный скепсис как относительно необходимости сдачи Москвы французам, так и относительно полководческой деятельности самого Кутузова. Скепсис Ермолова показался мне убедительным, почему я и имел неосторожность высказаться по этому поводу в дискуссии.

А дальше, ввиду необходимости отвечать на вопросы, я начал знакомиться с этой темой и пришел к выводу, что события той двухвековой давности войны тоже являются неплохой иллюстрацией как к вопросу о роли генералов в войнах, так и к вопросу замены истории пропагандой.

Поскольку на эти размышления меня подвиг Ермолов, еще раз упомяну о том, как надо пользоваться мемуарами. Немцы, по-моему, говорят, что нигде так не врут, как на охоте и войне. Это действительно так. И тем не менее мемуары являются важным источником фактов. Просто нужно смотреть, что именно в мемуарах можно считать фактом.

Во-первых, как и в любом ином случае, необходимо образно представлять описываемые события – прожить их в уме. Тогда, как только появится ложь, у вас в уме картинка событий прервется – вы не сможете себе ее представить, и вы засомневаетесь: а так ли все было? В таком случае надо пытаться подтвердить или опровергнуть этот факт из других источников.

Во-вторых, надо смотреть на отношения самого мемуариста к описываемым им событиям – насколько они его прославляют или унижают, насколько он заинтересован именно в таком описании? Если он заинтересован, то надо искать и другие источники, поскольку это может быть и просто ложь, а чаще всего тенденциозное (далеко не полное) изложение факта.

К примеру, образцом нагло-хвастливой и настолько же глупой лжи являются мемуары Г. Жукова, их достаточно честная противоположность – мемуары К. Рокоссовского. Однако и у Рокоссовского есть моменты (один момент, по крайней мере, я знаю), когда в принципе честно изложенное событие, украшающее Рокоссовского, при наличии дополнительных сведений выглядит уже не так красиво. Скажем, да, Рокоссовский выбил немцев из данного города, однако ведь он хотел не просто выбить, а окружить их и уничтожить, а вот это у него не получилось. Наверное, не получился этот замысел у Рокоссовского по объективным причинам, но он все же обязан был бы упомянуть об этом, а не просто промолчать, делая вид, что так и было задумано.

Вот по этим двум критериям и стоит оценивать мемуариста, но особенно по его нейтральности к описываемым фактам, по его личной незаинтересованности в их искажении.

Воспоминания Ермолова

Теперь о мемуарах Ермолова. С учетом сказанного выше они вызывают доверие. Надо сказать, что Ермолов был человеком остроумным, легко изобретающим каламбурчики, мигом становившиеся известными в армии (и ставшие историческими анекдотами) и не прибавляющими ему симпатий у героев этих каламбуров. Не прибавляющими потому, что, как мне кажется, Ермолов был тот, о котором народ говорит: «Ради красного словца не пожалеет и отца».

К примеру, когда его высочайший шеф Аракчеев сделал ему, тогда подполковнику, замечание о худобе лошадей в его конноартиллерийской роте, Ермолов (уже обиженный в чинах, о чем Аракчеев знал), надо думать, с невинным видом, ответил согласием с начальником и посетовал, что судьба русского офицера часто зависит от скотов. Это остроумно, но, должен сказать, в отношении Аракчеева, беззаветно служившего даже не царю, а прямо России, это было несправедливо.

Или, скажем, вернувшись из штаба Барклай де Толли, в котором начальником канцелярии служил офицер по фамилии Безродный, Ермолов с грустью сообщил, что в штабе одни немцы, немцы, немцы и всего один русский, да и тот безродный. Это, конечно, смешно, но, по сути, и это было не так. Я тут наткнулся на список чинов штаба 1-й Западной армии, которой командовал Барклай де Толли, так вот, на июнь 1812 г. начальником штаба у Барклая был генерал-лейтенант Лавров, генерал-квартирмейстером был генерал-майор Мухин, дежурным генералом был полковник Кикин, начальником артиллерии был генерал-майор Кутайсов и только начальником инженеров был генерал-лейтенант Трузсон.

Кстати, об этих каламбурах сам Ермолов в мемуарах не сообщает, видимо, к старости начал их стыдиться. Более того, сетуя на нерасположение к нему Аракчеева, ни словом не опорочил его (хотя и ни разу не похвалил), а у Барклая де Толли он был начальником штаба и с глубоким уважением пишет о нем, как о храбрейшем генерале и хорошем специалисте.

Ермолов много служил под командою князя Багратиона, пишет о нем с восхищением его талантом и мужеством, неоднократно указывает на его огромную роль в армии. Кроме этого, с одной стороны, показывает, насколько Багратион мог пренебречь мнением о себе у начальства: *«Приезжает дежурный генерал-майор Фок и с негодованием спрашивает князя Багратиона, отчего отступает он, не имевши приказания, тогда как армия не успела еще расположиться в укреплениях? Неприятно было князю Багратиону подобное замечание от г. Фока, который только не в больших чинах известен был смелым офицером и далее нигде употреблен не был. Князь Багратион повел его в самый пыл сражения, чтобы показать причину, понуждающую к отступлению, и в глазах его приказал идти вперед. Не прошло пяти минут, как генерал Фок получил тяжелую рану, и мы преследованы до самых окопов».*

С другой стороны, Ермолов не только упоминает в числе достоинств князя умение понравиться начальству, но и показывает, как тонко Багратион умел это делать:

«В продолжение пребывания армии в Ольмюце около Вишау происходили небольшие перестрелки. Князь Багратион, заметив, что неприятель мало имеет в городе пехоты, но более кавалерии, приказал шефу Мариупольского гусарского полка генерал-майору графу Витгенштейну расположиться при выездах из оною, так чтоб неприятель не мог уйти, а пехоте приказал атаковать город. Кавалерия неприятельская вырвалась с малою весьма потерей, и граф Витгенштейн не успел ничего сделать. Оставленную его пехоту, с небольшим сто человек, взял в плен находившийся в авангарде генерал-адъютант князь Долгорукий (Петр Петрович). Дело представлено было гораздо в важнейшем виде, и князь Багратион, как ловкий человек, приписал успех князю Долгорукому, который, пользуясь большою доверенностью государя, мог быть ему надобным».

Кутузов тоже входил в число тех, кто «ласково» относился к Ермолову, и, строго говоря, у Ермолова не было никакого основания порочить Кутузова, скажем, он пишет: *«В Ольмюце нашел я инспектора всей артиллерии графа Аракчеева, в том же могуществе при государе, с тем же ко мне неблагорасположением, невзирая на лестное свидетельство главнокомандующего на счет мой»*. То есть Кутузов был высокого мнения о Ермолове еще в 1805 г., когда Ермолов был всего лишь подполковником. В свою очередь, Ермолов восхищался тем, как Кутузов в Австрии уводил свою слабую армию от преследовавшего ее Наполеона. Но у Ермолова возникают сомнения в действиях Кутузова в войне 1812 года, и эти сомнения так просто со счетов не сбросишь.

Еще немного о мемуарах Ермолова. Он скромнен и своих подвигов не восхваляет и всегда пишет о них как бы о само собой разумеющихся. Вот его собственное описание его роли о битве под Прейсиш-Эйлау.

Пара слов об обстановке. В этой битве у командовавшего русскими войсками Беннигсена и так было меньше сил, чем у командующего французской армией Наполеона, кроме того, к началу битвы еще не подошел к левому флангу русской армии союзный корпус немецкого генерала Лестока. Наполеон, не давая Лестоку соединиться с русской армией, атаковал левый фланг Беннигсена, настал критический момент, потери были велики, уже был тяжело ранен участвовавший в битве Барклай де Толли, все висело на волоске. А Ермолов об этом вспоминает так:

«Посланная туда 8-я дивизия отозвана к центру, где необходимо было умножение сил; резервы наши давно уже были в действии. Итак, мне приказано идти туда с двумя конными ротами. Дежурный генерал-лейтенант граф Толстой махнул рукою влево, и я должен был принять сие за направление. Я не знал, с каким намерением я туда отправляюсь, кого там найду, к кому поступаю под начальство. Присоединив еще одну роту конной артиллерии, прибыл я на обширное поле на оконечности левого фланга, где слабые остатки войск едва держались против превосходного неприятеля, который подвинулся вправо, занял высоты батареями и одну мызу почти уже в тылу войск наших. Я зажег сию последнюю и выгнал пехоту, которая вредила мне своими выстрелами. Против батарей начал я канонаду и сохранил место своей около двух часов. Тогда начал приближаться корпус генерала Лестока, в голове колонны шли два наши полка, Калужский и Выборгский, направляясь на оконечность неприятельского фланга. Против меня стали реже выстрелы, и я увидел большую часть орудий, обратившихся на генерала Лестока. Я подвигал на людях мою батарею всякий раз, как она покрывалась дымом, отослал назад передки орудий и всех лошадей, начиная с моей собственной, объявил людям, что об отступлении помышлять не должно. Я подошел почти под выстрелы и все внимание обращал на дорогу, лежащую у подошвы возвышения, по которой неприятель усиливался провести свою пехоту, ибо по причине глубокого снега нельзя было пройти стороною. Картечными выстрелами из тридцати орудий всякий раз обращал я его с большим уроном. Словом, до конца сражения не прошел он мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо генерал Лесток, встретив умеренные силы, опрокинул их, обошел высоту и батареи, которые неприятель, оставив во власти его, предался совершенному бегству, и мрачная ночь покрыла поле сражения. Главнокомандующий, желая видеть ближе действия генерала Лестока, был на левом фланге и удивлен был, нашедши от моих рот всех лошадей, все передки и ни одного орудия; узнавши о причине, был чрезвычайно доволен».

Вы в этом описании поймете что-либо о роли Ермолова в этой битве? Да, он отрезал себе пути к отступлению, отправив лошадей в тыл с боевых позиций, но насколько его действия определили исход самой битвы? Да вроде ничего особенного. А в энциклопедическом описании этой битвы написано: *«Левый фланг Беннигсена медленно отступал к Кучиттену, оставляя в руках неприятеля опорные пункты своей обороны. Исправили положение меткий огонь 36 орудий на конной тяге под командованием Ермолова и 6000 человек из корпуса*

Лестока, которые прибыли на помощь войскам Остермана-Толстого. Вскоре на всем левом фланге французы были отбиты. На этом фактически битва при Прейсиш-Эйлау закончилась. До 21 часа продолжалась канонада с обеих сторон, но обессиленные и обескровленные войска больше не предпринимали новых атак». То есть Ермолов, благодаря своей инициативе и храбрости, сыграл ключевую роль в битве у Прейсиш-Эйлау и не мог не понимать этого. Но ведь из его воспоминаний это никак не следует!

Аналогичен его рассказ и о Бородинской битве, в которой его появление в решающий момент в ключевой точке боя тоже предотвратило разгром. В разгар битвы французы захватили ключевую позицию – батарею Раевского, а Ермолов в это время проезжал мимо, посланный Кутузовым для оценки обстановки на левом фланге. Поняв, что происходит, но не имея в своем распоряжении никаких сил, Ермолов подчинил себе всего один пехотный батальон и повел его в атаку на французскую бригаду, захватившую батарею Раевского. Это был чистейшей воды акт отчаяния, поскольку и атаковать превосходящие силы французов надо было из невыгодного положения – снизу из лощины. Но спустившись в эту лощину, Ермолов нашел там отсиживающимися три егерских полка! Ермолов и их подчинил себе, с ними атаковал и практически уничтожил французскую бригаду, отбив батарею. И нет бы ему написать о своих глубоких генеральских тактических замыслах, предшествовавших этому подвигу, а он пишет: *«Внезапность происшествия не дала места размышлению; совершившееся предприятие не допускало возврата. Неожиданно была моя встреча с егерскими полками. Предприятие перестало быть безрассудною дерзостью, и моему счастью немало было завистливых!»*

Ермолов закончил доработкой свои «Записки» практически перед кончиной в 1861 г. (опубликованы они были после его смерти). К этому времени не осталось в живых практически никого, кто бы мог опровергнуть написанное Ермоловым, казалось бы, Ермолов мог позволить себе что-то забыть и, к примеру, всю славу подвига боев за батарею Раевского оставить себе. Но никого не забыл! *«Три конноартиллерийские роты прибывшие со мною полковника Никитина много содействовали успеху...Всюду, где есть опасность, находился главнокомандующий (1-й армией) военный министр (Барклай де Толли). Внимательно наблюдая за действиями, он видел положение мое и, не ожидая требования помощи, прислал немедленно батарейную роту и два полка пехоты, так что под руками у меня было все готово и все в изобилии».*

В «Записках» Ермолова он предстает как своеобразный, не без, скажем так, странностей, но действительно герой-воин, которому на веку посчастливилось совершить такую массу военных подвигов, что ему не было необходимости что-то врать или как-то эти подвиги преувеличивать. А в целом мемуары Ермолова вызывают доверие вот этими качествами мемуариста – умен и честен!

Тем не менее и к сообщаемым Ермоловым фактам тоже нелишне присматриваться.

Генерал Беннигсен

Главным оппонентом Кутузова в вопросе, оставлять Москву без боя или нет, стал генерал Беннигсен. И Беннигсен, пожалуй, один из главных потерпевших от той рекламы, которую создали Кутузову сначала высшая знать России, а потом и историки. Кроме этого, полагаю, что Беннигсена совершенно задвинули в тень еще и по причине его немецкого происхождения. Давайте немного подробнее об этом выдающемся русском полководце.

Беннигсен родом из Ганновера, вступил в ганноверскую армию в 14 лет, участвовал в Семилетней войне и к 28 годам был подполковником. Затем, с понижением в чине до майора, перешел на русскую службу. Интересно, что через 15 лет после Беннигсена на русскую службу пытался поступить и Наполеон Бонапарт, но, узнав, что принимают с понижением в чине, отказался. Беннигсен же к Бородинскому сражению уже 39 лет служил России, участвуя во всех ее войнах.

Его упрекают в участии в убийстве Павла I и в том, что он, дескать, придворный интриган. Да, он участвовал в этом убийстве, но что это добавляет к его военной характеристике полевого генерала? Свидетельствует о его трусости?

Кстати, монархи очень не любят и не доверяют тем, кто участвовал в убийстве монарха, даже если эти люди убили предыдущего, чтобы данный монарх вззошел на престол. Ведь если эти подданные убили одного, то могут убить и другого, не так ли? И участие в убийстве Павла I сильно повредило карьере Беннигсена в мирное время: Александр I, вззошедший на престол после смерти Павла I, «в благодарность» отправил Беннигсена практически в ссылку в Вильно не на командную, а на военно-административную должность. И Беннигсен так никогда и не стал генерал-фельдмаршалом, хотя реальных заслуг перед Россией у него поболее, чем у Кутузова.

Кстати, если говорить об интриганстве и о способностях втереться в доверие к монарху, то тут, пожалуй, сразу же приходит на ум именно Кутузов. Ведь именно Кутузов сумел высидеться благодаря интригам при дворе, вернее, умению подольститься ко всем царям и заручиться поддержкой нужных вельмож при дворе. Именно Кутузов, в отличие от многих других генералов эпохи императрицы Екатерины II, скажем, того же Суворова, сумел удержаться в фаворе и при сумасброде Павле I – именно при нем Кутузов стал генералом от инфантерии. Его современник, генерал С.И. Маевский, писал: *«Никто лучше его не умел одного заставить говорить, а другого – чувствовать, и никто тоньше его не был в ласкательстве и провидении того, кого обмануть или обворожить принял он намерение...»*

И возможно, благодаря такому таланту даже позорнейшее поражение под Аустерлицем не стало для Кутузова фатальным – в 1812 г. Александр I назначил главнокомандующим русской армией именно Кутузова, а не Багратиона или Беннигсена. Хотя, видимо, царь понимал превосходство Беннигсена перед Кутузовым, почему и назначил Беннигсена начальником Главного штаба при Кутузове. На царя сильно давили в пользу Кутузова, но об этом в конце.

Ведь на 1812 г. Кутузов имел в войне с Наполеоном одно, очень позорное поражение, а вот у Беннигсена был совершенно иной опыт войны с Бонапартом.

В кампанию 1806 г., командуя отдельным корпусом, Беннигсен нанес первое поражение Наполеону под Пултуском. Правда, у историков к Беннигсену весьма особое отношение. Да что историки, даже Маркс с Энгельсом уверяют, что в бою под Пултуском Наполеона не было, а был только маршал Ланн. Но ведь это естественно – «города сдают солдаты, генералы их берут». Если бы французы победили, то и Маркс с Энгельсом записали бы эту победу Наполеону.

Ермолов был рядовым участником этого боя, ему в принципе было совершенно все равно, кто был во главе французов, но Ермолов наверняка расспрашивал пленных, чтобы узнать, кто именно ими командовал. Ермолов пишет:

«В тот же самый день, как при Голимине, произошло в Пултуске главное сражение. Наполеон, собрав все силы, за исключением бывшей кавалерии с принцем Мюратом, сблизился с генералом Беннигсеном, и сей, не имея возможности отступить, не подвергаясь крайней опасности, решился дожидаться неприятеля. Наполеон употребил все усилия; войска, присутствием его ободренные, действовали с возможною решительностью и бесстрашием. Уже ослабевали войска наши, ибо превосходство сил было на стороне неприятеля и победа, очевидно, склонялась в его пользу. Оттесненные на некоторых пунктах, уже истощали они последние средства невыгодной обороны, но, по счастью, неприятель не мог противопоставить равного действия нашей артиллерии, ибо его за худыми дорогами оставалась назади, и сие одно не только могло prolongировать сражение, но в некоторых местах даже восстановить оное с большою для нас выгодой. Генерал Беннигсен непоколебим в твердости своей и, самым отчаянным положением возбуждаемый, прибегнул к последним средствам и резерву, состоявшему из двух пехотных полков, приказал ударить в итыки. Начальнику полков истолковано было, что от сего последнего усилия зависит спасение прочих войск, и полки бросились стремительно. Неприятель отступил, не устояв против итыков. Войска его, потеряв взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успехи в сем пункте, искали в скором удалении средства спасти от поражения разорванные части, и мгновенно часть лучшей позиции неприятеля была в руках наших. Клонившийся к самому вечеру день не допустил Наполеона поправить неудачу, ибо необходимо было некоторое время для приведения в порядок расстроенных войск, прежде нежели приступить к какому-либо предприятию. Итак, твердость генерала Беннигсена самое опасное положение обратила в победу совершенную. Отразить превосходные силы под личным Наполеона предводительством есть подвиг великий, но преодолеть и обратить в бегство есть слава, которую доселе никто не стяжал из его противников».

Беннигсен оставил записки о войне с Наполеоном в 1806–1807 гг. Написал он их в 1810–1811 гг. в виде писем своему сослуживцу, тем не менее война в Пруссии считается проигранной, Беннигсен считается проигравшим генералом, и как он ни уверяет в своей объективности, но мы понимаем, что верить ему безусловно нельзя. Тем не менее сделаю несколько замечаний.

Если не знать, кто автор, то не поймешь, что Беннигсен немец, настолько много у него гордости за русского солдата, высказанной вскользь, между прочим. К примеру: *«Видно было, что наша пехота решилась в этот день оправдать мнение о ее храбрости, которым она всегда пользовалась в Европе и которое могли некоторые неудачные дела предшествовавших кампаний поколебать только в глазах лиц, не знающих основательно русского солдата... Неприятель, полагаясь на свое значительное численное превосходство, льстил себя надеждою, что наши войска не перейдут реку Алле без большого урона. Но когда он отважился на решительный удар, долженствовавший опрокинуть наши ряды, он сам был до того сильно отражен, что возымел еще большее уважение к храбрости русского солдата, внушенной ему уже предшествовавшими сражениями... Русская армия вела эту войну против страшного врага, который, заставив уже трепетать Европу, угрожал неприкосновенности нашей Империи и желал предписать сверху законы подобно тому, как он их предписал государствам юга. Русская армия рассеяла эти надежды Наполеона, сохранив вполне славу, честь и неприкосновенность русской Империи, тогда как в других войнах Наполеон только, так сказать, поражал армии неприятеля мимоходом, стремясь скорее занять столицу и овладеть государством».*

Второе: Беннигсен говорит о своих ошибках, что для мемуариста чрезвычайная редкость! К примеру: *«Дело под Фридландом началось с раннего утра. Оно разгоралось незаметно, без значительного пролития крови, против некоторых французских корпусов, мною выше поименованных. Честь нашей армии не позволяла нам уступать им поле сражения. Добавлю к этому, что мы были притом в неведении о приближении всей французской армии».*

Признаюсь охотно, по совести, что поступил бы лучше, избегнув совершенно этого столкновения. Это вполне от меня зависело, и я, конечно, остался бы верен моей решимости

не вступать ни в какое серьезное дело, разве что оно явилось бы необходимым для обеспечения дальнейшего движения нашей армии, если бы только ложные сообщения, которым подвержен всякий генерал, не ввели бы меня в заблуждение и если бы все показания пленных, схваченных в разное время и в различных местах, не свидетельствовали единогласно, что по ту сторону Фридланда находятся только корпуса маршалов Ланна и Удино и отряд Домбровского с иностранными полками, но что император Наполеон со всей армией двинулся по дороге к Кенигсбергу». На самом деле разведка доложила точно, да только Наполеон имел и свою разведку и, как только узнал, что Беннигсен дает бой у Фридланда, тут же повернул войска на Фридланд.

И тем не менее разумно брать у Беннигсена только то, что безусловно не может быть ложью, поскольку проверяется надежными фактами.

Чем интересен Беннигсен? Он был генерал, способный презреть приказ начальника во имя победы. Под Пултуском он не имел права принимать бой, поскольку имел прямой приказ командующего отступить за Нарев. Но тогда не успели бы отойти оставшиеся русские войска. И он ведет бой с Наполеоном, зная, что с ним будет, если он этот бой проиграет: *«Положение, в котором я находился в день сражения, было для меня бесспорно тяжело и затруднительно. Я получил положительное приказание немедленно отступить в пределы наших границ; следовательно, я не должен был вступать в сражение. Какой же я подвергался личной ответственности, если бы имел несчастье претерпеть значительную неудачу? Печальные последствия поражения были бы поставлены мне в вину; основательные доводы, которые я мог бы привести в оправдание моего решения стойко ожидать неприятеля и остановить его хотя бы на один день, чтобы дать время нашим войскам, разбросанным по правому берегу Немана, достичь этой реки, не послужили бы оправданием моего неповиновения, тем более что могли мне доказать, что я имел еще достаточно времени, чтобы перевести мои войска за Нарев по мостам, мною устроенным на этой реке. Но исход дня был в нашу пользу; меня настолько же одобрили, насколько в противоположном исходе меня порицали бы. Мой всемилостивейший монарх, чтобы выразить мне свое благоволение, удостоил пожаловать мне орден Св. Георгия 2-й степени, присоединив к этому еще и подарок в 3000 червонцев».* Надо думать, что и царь не сомневался, кто именно командовал французами под Пултуском, раз Беннигсен был награжден орденом Св. Георгия II степени, ведь этой степенью за всю почти полуторастолетнюю историю ордена было награждено всего 125 человек.

Статистика боев Беннигсена с Наполеоном такова: если у Беннигсена были силы, примерно равные силам Наполеона, то он либо выигрывал сражение, либо сводил к ничьей, которая для активно действующего Наполеона была равносильна поражению. Один из моих комментаторов уверен, что в бою под Прейсиш-Эйлау Наполеон нанес Беннигсену поражение. А в связи с чем так утверждать?

Прейсиш-Эйлау

На зиму 1807 г. у Беннигсена главной задачей было защитить от французов Кенигсберг и часть Восточной Пруссии – единственную оставшуюся территорию прусского короля, союзника России. В январе 1807 г. маршал Ней, командовавший силами французской армии на этом театре военных действий, пограбив округу и в связи с этим недовольный своими зимними квартирами, по своей инициативе двинулся в глубь Восточной Пруссии по направлению к Кенигсбергу. Главнокомандующий русской армии Беннигсен не мог оставить это без внимания – в Кенигсберге находились главные склады союзнической армии. Поэтому русская армия немедленно снялась с зимних квартир, и Беннигсен начал маневрировать, стремясь атаковать французов по частям, но Ней, неся потери, все же уклонялся от главного боя. В Варшаве Наполеон, узнав

о том, что русская армия вышла в поле, вначале выразил сильное недовольство Неем, однако, ввиду морозной погоды, сделавшей дороги проходимыми, решает окружить и разгромить армию Беннигсена.

Наполеон стягивает к месту события войска Великой Армии и старается сделать это в глубокой тайне (даже об отъезде Наполеона в войска сообщили как об обычной инспекционной поездке). Однако у Беннигсена четко действовали все виды разведки, к примеру, он вспоминает: *«От тайных своих агентов я узнал, что один из корпусов французской армии по-прежнему занимает зимние квартиры в окрестностях Остероде... Самые точные и самые достоверные известия получались нами из Варшавы, исправно два раза в неделю, из весьма хорошего источника...»* Войсковая разведка тоже действовала прекрасно: казаки неоднократно перехватывали курьера, и Беннигсен знал планы французов. Итак, вся русская армия начала концентрироваться для боя близ Янково. И именно здесь Наполеон задумал маневр, чтобы окружить и уничтожить русские войска.

Однако маневр Наполеона успехом не кончился – его удар пришелся по пустому месту, – Беннигсен разгадал опасность, поменял планы и начал отводить войска на соединение с еще не подошедшим корпусом союзных пруссаков под командой генерала Лестока. Французы преследовали, отбиваемые русским арьергардом, которым командовали князь Багратион и Барклай де Толли. (Нужно восхититься Багратионом – во всех операциях той войны он командовал арьергардом, если наша армия отступала, и авангардом, если наступала. Непрерывно в боях!)

Бои арьергарда были тяжелыми, Ермолов пишет: *«Артиллерия во весь день была в ужасном огне, и если бы перебитых лошадей не заменяли гусары отнятыми у неприятеля, я должен был бы потерять несколько орудий. Конницу мою роту, как наиболее подвижную, употреблял я наиболее. Нельзя было обойтись без ее содействия в лесу, и даже ночью она направляла свои выстрелы или на крик неприятеля, или на звук его барабана. Войска были ею чрезвычайно довольны, и князь Багратион отзывался с особенною похвалою. Урон наш во весь день был весьма значителен и, по крайней мере, равен неприятельскому. Против нас дрался корпус маршала Даву».*

Наконец, у Прейсиш-Эйлау Беннигсен решил принять бой.

Может, и не стоило бы об этом писать, но предшествовавшие битве события выглядели уж очень по-русски. Ермолов, находившийся в арьергарде, так описал отвод войск с боями к Эйлау 26 января: *«До одиннадцати часов утра дрались мы с умеренною потерей, но по дороге нашедши разбросанные бочки с вином, которые идущие при армии маркитанты оставляли для облегчения своих повозок, спасая более дорогой товар, невозможно было удерживать людей, которых усталость и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков до того сделались пьяны, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка. Они останавливались толпами там, где не надобно было,*

или вперед, когда нужно отступить поспешнее. Неприятель, приметив замешательство, напал решительнее, охватывал по возможности более пространства, и не было в лесу тропинки, на которой бы не появлялся; в защиту пьяных надлежало употреблять артиллерию, и движения сделались медленнее. Храбрые генералы граф Пален и граф Ламберт употребляли кавалерию, заменяя их; но невозможно было отвести их назад, и мы теряли их во множестве и убитыми, и пленными. Приближаясь к местечку Прейсиш-Эйлау, арриергард вышел на открытые места, и ему показана позиция, которая заслоняла собою местечко, позади которого на обширной равнине армия наша устраивалась в боевой порядок». На следующий день похмелья и произошла одна из славнейших битв русской военной истории.

Я не буду ее описывать, просто несколько общих чисел. 70 тыс. французов атаковали 58 тыс. русских войск и 9 тыс. пруссаков, всего 67 тыс. То есть силы были примерно равными. Французы потеряли 30 тыс. и 5 знамен, союзные войска знамен не потеряли, но и их потери исчисляются огромным по тем временам числом – 22 тыс. человек убитых и раненых (хотя Беннигсен подтверждает 18 тыс. Участник битвы, французский маршал Ней, оценив потери сторон, воскликнул: *«Что за бойня, и без всякой пользы!»* Но это он сильно преуменьшал итог.

Интересен тактический замысел Беннигсена. Под Прейсиш-Эйлау у русской армии хорош был только центр позиции – просторное поле, удобное для атак кавалерии, и высоты, удобные для расположения артиллерии. А фланги были слабоваты. Но это ведь Наполеон, он мог не ударить по сильному центру, а бить по флангам. Что делать? Перед этой позицией центра и был город Прейсиш-Эйлау, а битва продолжалась два дня – с обеда 26-го по ночь 27 января 1807 г. Вечером 26-го, когда Наполеон еще не подтянул все силы, Беннигсен отчаянно дерется за город, а ночью его оставляет. Зачем? Он поясняет: *«...легко себе представить, что бы могло постичь нас, если бы неприятель, вместо того чтобы упорствовать в намерении своем прорвать наш центр, удовольствовался бы только ложными демонстрациями на центр и направил против нашего левого крыла все свои силы, совершенно бесполезно потраченные им против нашего центра»*. То есть он заманивал Наполеона в центр! И получилось! *«Три неприятельские колонны (маршала Ожеро, Даву и Сент-Илера), при которых находилась также императорская гвардия, снова подвигались против нашего центра»*, – вспоминает Беннигсен, но он, видимо, не знал, что и Наполеон всю битву простоял на кладбище Прейсиш-Эйлау, лично руководя войсками в центре русской позиции. Почему именно здесь?

Прорыв в центре давал возможность и русским, и французам разделить армию противника, развернуть вправо или влево войска и уничтожить какой-либо фланг противника полностью – одержать оглушительную победу. Весь вопрос был в том, силен ли центр у противника? Стоит ли наносить главный удар в центре? И то, что Беннигсен как бы отчаянно дрался за Прейсиш-Эйлау, а потом бросил его, показало Наполеону, что у Беннигсена здесь недостаточно войск, следовательно, прорыв русской армии в центре был возможен. Наполеон «купился» на этот тактический обман, нанес главный удар по центру, и далее последовало:

«Генерал Дохтуров выслал им навстречу генерала Запольского с колонной из резерва. Она развернулась, и оба фронта очень близко подошли друг другу, поддерживая непрерывный огонь. Заметив, что неприятель остановился, генерал Запольский ударил в штыки, смял его и преследовал на значительное расстояние. Эта колонна французов потеряла очень много людей убитыми и ранеными. Кроме того, она лишилась орла и ста тридцати человек пленными. В то же самое время часть неприятельской колонны, поддержанная другою, подошла опять к первой линии нашего центра. Наши полки, наиболее близкие к ней, храбро встретили их штыками и обратили в бегство. Несколько полков, находившихся в резерве позади центра, воспользовались этой минутой и уничтожили большую часть этой колонны».

Такое эффективное отражение атак получалось благодаря особому тактическому построению войск, Беннигсен эту тактику объясняет, но о ней ниже. Закончились атаки Наполеона тем, что *«корпус маршала Ожеро был почти весь уничтожен в сражении при Прейсиш-Эйлау,*

при его атаке на центр нашей позиции...уцелевшие от гибели 5000 человек его корпуса были распределены на пополнение других корпусов, пострадавших также в этом деле, в особенности первого армейского корпуса или корпуса принца Понте-Корво».

Беннигсен в последовавшую после битвы ночь отвел свою армию к Кенигсбергу и там начал спешно приводить ее в порядок. Но и французы ночью тоже отступили, бросив все тяжелые материалы, однако потом первыми вернулись, что и дало Наполеону возможность объявить о своей победе. Однако через 10 дней Беннигсен, переформировавшись и дав отдохнуть войскам, снова двинул русскую армию навстречу французам. И вот тут уж Наполеон не выдержал – не стал принимать бой и окончательно сбежал.

Интересно, что Наполеон не нашел ничего лучшего, чем, наврава о трофеях и смолчав о своих потерях, объяснить войскам причину отступления мыслью, что зимою, дескать, надо отдыхать. В своем приказе он писал: *«Солдаты/Мы начали только немного отдыхать в наших зимних квартирах, как неприятель атаковал первый корпус и появился на Нижней Висле. Мы двинулись против него и упорно его преследовали на расстояние восьмидесяти лье. Он укрылся за своими укреплениями и перешел обратно Прегель. В сражениях при Бергфриде, Деппене, Хофе, в битве при Эйлау мы отняли у него 65 орудий, 16 знамен и лишили его убитыми, ранеными и взятыми в плен более сорока тыс. человек. Храбрые, павшие с нашей стороны на поле чести, почтили славною смертью, смертью истинных солдат. Их семейства имеют всегда полное право на нашу о них заботливость и на наши благодеяния. Расстроив все замыслы врага, мы приближаемся к Висле и вступаем в наши кантонир-квартиры. Осмелившийся нарушить наш отдых раскается. За Вислой, как и за Дунаем, среди зимней стужи, как и при начале весны, вы пребудете всегда французскими солдатами, и при том солдатами великой французской армии».*

Ермолов вспоминает:

«Менее двух недель пробывши около Кенигсберга, армия выступила вперед. Авангард в команде генерал-майора Маркова в два перехода прибыл к Прейсиш-Эйлау. Его подкреплял с кавалериею генерал князь Голицын.

С любопытством осматривал я поле сражения.

Я ужаснулся, увидевши число тел на местах, где стояли наши линии, но я более нашел их там, где были войска неприятеля, и особенно, где стеснялись его колонны, готовясь к нападению, невзирая, что в продолжение нескольких дней приказано было жителям местечка (как то они сами сказывали) тела французов отвозить в ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать в землю замерзшую. Как артиллерийский офицер примечал я действие наших батарей и был доволен. В местечке не было целого дома; сожжен квартал, где, по словам жителей, сносились раненые, причем много их истреблено.

При нашем приближении к Прейсиш-Эйлау неприятель тотчас вышел. Поспешное его отступление свидетельствовали разбросанные во множестве обозы, снаряды и лазареты с ранеными и больными, Сильная оттепель сделала дороги непроходимыми, и как в подобных случаях терпит наиболее отступающий, то французы в городах и селениях оставили все свои лазареты. (Всего было собрано более 2 тыс. раненых.)

Прибывши в Ландсберг, нашли мы госпиталь офицерский, и, к удивлению их, они видели в нас гораздо большее о них попечение. Многие по несколько дней были не перевязаны. Хозяин моей квартиры, знающий французский язык, сказывал, что он слышал французских офицеров, рассуждающих, в каком состоянии была армия их, когда после сражения в ту же ночь прошла она Ландсберг. Они говорили, что если бы не корпус маршала Бернадотта, не бывший в деле, который оставлен был в арьергарде, то некому было бы прикрыть отступление, ибо войска были в ужаснейшем беспорядке и число мародеров невероятное».

Итак, Беннигсен не только оставил за собою место битвы, что является формальным подтверждением победы, но он и полностью решил задачу кампании – не дал Наполеону выве-

сти Пруссию из числа союзников России. Мало этого, Наполеону был нанесен столь огромный урон, что он в 1807 г. призвал в армию французов, призыв которых должен был бы быть в 1808 г.

Надо сказать, что эта слава русского оружия как-то очень малоизвестна, кроме того, практически сразу же была предпринята попытка ее изолгать, преуменьшить ее результаты. Ермолов пишет: *«Не избежал однако же главнокомандующий порицаний; и как не менее рассуждают те, кои не имеют понятия о вещах, то много было обвиняющих... Генерал князь Багратион отправлен главнокомандующим в С.-Петербург с подробным объяснением о Прейсиш-Эйлау сражении, которое по разным интригам представлено было государю в несправедливом виде. Слышно было, что генерал-лейтенант граф Толстой посредством брата, весьма приближенного к государю, доводил до сведения вымыслы, вредные главнокомандующему. Мнение было, однако же, в пользу последнего, и с графом Толстым ни в каком отношении не сравнивали»*. Ермолов не пишет, что хотел Остерман-Толстой (граф Толстой), но запомним эту интригу.

Видимо, Багратион убедил Александра I, поскольку уже в то время эта битва заняла почетное место в ряду славных битв русской армии. И какое бы ни было отношение монарха к Беннигсену, но он наградил его за эту битву высшей наградой России – орденом Андрея Первозванного.

Между прочим, Ермолов высказал и явную обиду на Беннигсена. Во время боя у Прейсиш-Эйлау к Ермолову на батарею заглянул граф Кутайсов, которому тот не подчинился, но ловкий граф после сражения приписал все заслуги Ермолова себе. В результате вместо Св. Георгия 3-й степени, к которому Беннигсен представил Ермолова, тот получил всего лишь орден Св. Владимира, а Св. Георгия получил Кутайсов. Ермолов пожаловался Беннигсену на несправедливость, Беннигсен пообещал ее исправить, но либо ничего не сделал, либо у него ничего не получилось. Мало того, в воспоминаниях, множество раз отмечая Ермолова, в данном случае приписывает подвиг Кутайсову.

Кстати, у ордена Св. Георгия было интересное дополнение – за особо выдающиеся победы в отдельных выдающихся сражениях все участвовавшие в бою офицеры награждались специально для этого учрежденными золотыми крестами. За всю историю этой награды было всего пять случаев ее учреждения: за взятие Очакова (1778 г.), Измаила (1790 г.) и Праги – пригорода Варшавы (1794 г.) войсками под командованием генерал-аншефа А. Суворова; за взятие турецкой крепости Базарджик (1811 г.) войсками под командованием генерал-лейтенанта С. Каменского и за «Победу при Прейсиш-Эйлау» войсками под командованием генерала от кавалерии Л. Беннигсена. Сам Беннигсен об этой награде с понятной гордостью пишет: *«Его величество, по моему о том представлению, приказал пожаловать более 1200 офицерам особый знак отличия, состоявший из золотого креста, который носился в петлице, с изображением в нем года, числа и месяца знаменитых дней под Прейсиш-Эйлау. Этот крест всем, получившим оный, сокращал на три года установленный законом двадцатипятилетний срок беспорочной службы, для лиц военного звания – на получение ордена Св. Георгия 4-й степени. Кроме того, государь император приказал унтер-офицерам и рядовым всей действующей армии, находившимся в деле под Прейсиш-Эйлау, выдать в награду одну треть получаемого ими жалования»*.

Выигранные Кутузовым битвы никакими специальными наградами не отмечены.

В продолжение кампании весной 1807 г. Беннигсен, действуя против начавших наступление превосходящих сил французов (123 тыс. французов против 105 тыс. русских), задумывает операцию по окружению корпуса французского маршала Нея у Гуттштадта. Из-за промедления командиров соединений, имевших задачу отрезать Нея, замысел не удался, тем не менее Ней, потеряв до 7 тыс. человек при 3 тыс. русских потерь, с большим трудом прорвался назад, оставив русским не только 3 тыс. пленных, но и свою коляску с личными вещами.

Почти сразу же последовал удар собственно Наполеона по армии Беннигсена под Гейльсбергом. Искусство Наполеона не помогло: потеряв почти 13 тыс. убитых, раненых и плененных при 8 тыс. потерь у Беннигсена, Наполеон прекратил битву, оставив поле боя за русскими.

И наконец, в июне 1807 г. в сражении под Фридландом Наполеон, имея 80 тыс. солдат против 61 тыс. у Беннигсена, добивается убедительной победы: потеряв 12 тыс. французов, Наполеон нанес русским войскам потери в 18 тыс., кроме того, захватил 80 из 120 бывших у Беннигсена орудий. После этого заключается мир, а Александр I отправляет Беннигсена в отставку по болезни.

Беннигсен в то время действительно болел: за две недели до своего последнего сражения с Наполеоном под Фридландом, в сражении под Гейльсбергом, Беннигсен потерял сознание из-за резких болей в желудке и окончание битвы происходило под командованием князя Горчакова. (Ермолов высказывает мысль, что именно из-за выбытия из строя командующего не удалось нанести Наполеону решительное поражение.)

Но что в итоге? В итоге к войне 1812 года генерал от кавалерии Беннигсен имел опыт войны с Наполеоном со счетом: две победы при двух, в худшем случае, ничьих и одном поражении.

А какой опыт сражений с Наполеоном был у генерала от инфантерии Кутузова?

Битва под Аустерлицем. Официальная версия

В активе (пассиве?) Кутузова была только битва под Аустерлицем.

До этой работы ее описание не вызывало у меня сомнения, тем более что основные сведения о ней заложены романом Льва Толстого «Война и мир». Типа сошлись в чистом поле армии Наполеона и Кутузова. Кутузов подтягивает еще войска, а царь его торопит начинать битву, но

Кутузов сообщает, что еще не все подошли, однако царь ему: дескать, мы не на Марсовом поле, чтобы начинать, когда все соберутся. А Кутузов ему так мудро: потому и не начинаем, что не на Марсовом поле. А что еще вспомнить после романа «Война и мир»?

Суммарно версию Л. Толстого можно изложить словами князя Андрея: *«Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть. Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, – и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. «Проиграли – ну так бежать!» – мы и побежали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, Бог знает что бы было»*. Короче, сошлись войска, и была битва, но мы проиграли ее потому, что на чужбине драться не хотели.

Но вот читаю статью об Аустерлице в «Военной энциклопедии» (простите за длинную цитату), кстати, кратко изложенную и на сайте Министерства обороны России.

«Генеральное сражение в русско-австро-французской войне 1805 года состоялось 2 декабря (20 ноября по старому стилю) 1805 года возле Аустерлица (современный чешский город Славков-у-Брна) и вошло в современную историографию как битва трех императоров, поскольку в ней лично принимали участие императоры Франции, России и Австрии – Наполеон I, Александр I и Франц II.

Накануне сражения, русско-австрийская армия под командованием генерала Михаила Кутузова насчитывала 86 тыс. человек (в том числе 15 тыс. австрийцев), французская армия Наполеона 1—73 тыс. Русско-австрийские войска занимали сильные позиции в районе Ольмюца (ныне город Оломоуц в Чехии) в ожидании подхода подкреплений. Александр I, игнорируя мнение Кутузова, принял план австрийского генерала Франца Вейротера, предусматривавший наступление на основе устаревшей стратегии без учета маневра противника и достаточных данных об обстановке.

Этим он фактически отстранил Михаила Кутузова от руководства войсками.

План Александра I, предложенный генералом Вейротером, предусматривал тремя колоннами нанести главный удар по правому флангу противника и продвигаться на север. Четвертая колонна должна была наступать через Праценские высоты на Кобельниц, пятой колонне было поручено сковать противника, обеспечивая обходный маневр главных сил. Наполеон, заранее осведомленный разведкой о планах союзников, занял позицию за ручьями Гольдбах и Бозеницкий, планируя ударом по центру разбить русско-австрийские войска, выйти во фланг и в тыл главной группировки союзников и уничтожить их порознь.

1 декабря союзная армия, совершив за четыре дня 60-километровый марш, заняла позиции на линии Коваловиц – Праценские высоты.

Сражение началось 2 декабря в 7 часов утра наступлением русско-австрийских войск. Обходящие колонны генерал-лейтенантов Дохтурова, Ланжжерона и Пржибышевского, развернутые в две линии, под командованием генерала Буксгевдена атаковали правый фланг французской армии. Четвертая колонна генералов Коловрата и Милорадовича выдвинулась на Праценские высоты. Пятая колонна генерала Лихтенштейна (австрийская конница) и авангард союзной армии под командованием генерал-лейтенанта Багратиона прикрыли правый фланг армии союзников. Резерв (русская гвардия) расположился за высотами.

Главные силы союзной армии, встретившись с нарастающим сопротивлением подходивших частей корпуса маршала Даву, заняли Тельниц, Сокольник и Сокольниковский замок. Для их усиления Александр I приказал колонне Коловрата – Милорадовича оставить Праценские высоты и следовать к главным силам. Этим просчетом воспользовался Наполеон – в 9 часов корпус маршала Сульт атаковал Праценские высоты. Колонна Коловрата – Милорадовича, понеся потери, отступила.

Попытка русской гвардии и колонны Лихтенштейна остановить корпус маршалов Бернадота и Мюрата также не имела успеха – к 11 часам Праценские высоты оказались у французов. Развернув на них 42 орудия, корпус Сульт и Бернадота атаковали тыл и фланг обходящих колонн. Французские войска перешли в наступление.

Не выдержав натиска французов, русско-австрийские войска начали отход по всему фронту. Обходящие колонны, втянутые в бой, вынуждены были отступать. Они оказались в окружении и должны были пробиваться через вышедшие им в тыл французские войска по узкому проходу между озерами Монич и Зачан, неся тяжелые потери.

К исходу дня союзные войска отошли за реку Литаву и ручей Раусниц, потеряв 27 тыс. человек и 185 единиц техники. Потери французов составили свыше 12 тыс. человек.

Поражение было сокрушительным. Австрия была вынуждена заключить 7 января (26 декабря по старому стилю) в Пресбурге (ныне Братислава) тяжелый для нее мирный договор с Францией. Россия отвела войска на свои территории. Таким образом, третья антифранцузская коалиция распалась.

Победа Наполеона в Аустерлицком сражении показала преимущества новой военной системы французской армии – тактики колонн в сочетании с рассыпным строем стрелков – над военной системой и линейной тактикой русско-австрийской армии. Важную роль сыграли в этом грубые просчеты в организации боевых действий со стороны союзной армии – слабая разведка, недооценка сил противника.

Умелое применение военной хитрости, сосредоточение сил на направлении главного удара (50 тыс. из 73 тыс. человек), удачный выбор момента атаки привели Наполеона к одной из ярких побед в его жизни».

Я писал в начале статьи, что, читая мемуары (да и все, что читаешь), надо в уме представлять себе происходящее в описании. Так вот, читая эту статью в энциклопедии, представить происходящее невозможно.

К примеру: этот самый авторитетный источник (остальные еще хуже) сообщает, что Кутузов наступал на французов пятью колоннами общей численностью в 86 тыс. человек, то есть одна колонна была средней численностью в 17 тыс. человек! Но по тем временам это корпус, включающий в себя две дивизии по шесть полков в каждой! Как наступать колонной корпуса?

Поясню: колоннами (да и линиями) наступали, вернее маневрировали, на поле боя только и исключительно батальоны. То есть подразделения численностью от 400 до 1000 человек, в зависимости от того, какой это батальон – егерский или мушкетерский, гренадерский или гвардейский. Да и то при непосредственном огневом или штыковом взаимодействии с противником батальоны из колонн разворачивались в три шеренги боевых линий. Колонна корпуса в наступлении – это бред! Это представить невозможно. Корпус мог быть построен в колонну только для марша – для перехода к новому месту расположения или к полю боя.

Или как представить себе это: «Обходящие колонны генерал-лейтенантов Дох ту ров а, Ланжерона и Пржибышевского, развернутые в две линии...». Как колонну (прямоугольник) представить в виде двух «развернутых» линий?

Или такое: «Для их усиления Александр I приказал колонне Коловрата – Милорадовича оставить Праценские высоты и следовать к главным силам. Этим просчетом воспользовался Наполеон – в 9 часов корпус маршала Сульт атаковал Праценские высоты. Колонна Коловрата – Милорадовича, понеся потери, отступила». Так колонна Коловрата – Милорадовича

ушла с Праценских высот или все же осталась там наступать? Если она ушла, то кому французы нанесли потери и кого заставили отступать? Если не ушла, то почему тогда невыполненная команда Александра I по уводу колонны Коловрата – Милорадовича ослабила русские войска и вызвала поражение?

Начал разбираться и, кажется, понял, что же там произошло.

Битва под Аустерлицем. Реконструкция

Сначала об оперативной обстановке на этом театре боевых действий. Россия с Австрией были главной силой третьей антинаполеоновской коалиции. Русские войска под командованием Кутузова двинулись в Баварию для соединения с расположенной там австрийской армией под командованием эрцгерцога Фердинанда, но пока русские войска шли, Наполеон под Ульмом разгромил и пленил почти все силы этой австрийской армии. Кутузов попал в сложное положение и начал с арьергардными боями (Багратион) отходить на Вену, преследуемый французскими маршалами. По пути войска Кутузова (опять же, под командованием Багратиона и Дохтурова) нанесли поражение войскам французского маршала Мюрата под Амштеттенем и Мортье под Дюренштейном. Однако, пока Кутузов шел к Вене, Наполеон взял ее без боя.

Кутузов свернул на север и через Брюнн (ныне чешский город Брно) дошел до города Ольмюц. Здесь уже были русский и австрийский императоры, сюда подходили остальные соединения русской армии: уже подошла армия Буксгевдена, вот-вот ожидалась русская гвардия под командованием великого князя Константина. Наполеон, по пятам Кутузова, тоже подвел к Ольмюцу свои войска.

И вот тут и французы, и союзные войска попали в положение, когда у них было только одно решение, причем одно не потому, что оно лучшее, а потому, что оно вообще было одно.

Дело в том, что разбитая под Кульмом армия была у Австрии не единственная – в Италии у Австрии была армия эрцгерцога Карла. К тому же Карл разбил в Италии под Кальдиеро войска французского маршала Массены, и теперь вел армию из Италии на Вену. А Ольмюц, Брно (буду называть его по-современному), Вена и армия Карла находились практически на одной прямой (одном меридиане). Получилась ситуация, когда на одном конце прямой на севере союзные войска под командованием императоров и Кутузова, на другом конце – австрийская армия Карла, между ними – Наполеон.

Что делать Наполеону? Союзники уже собрали у Ольмюца силы, по численности превышающие войска в распоряжении Наполеона, мало этого, союзные войска опирались на перво-классную крепость Ольмюц, в Семилетнюю войну выдержавшую осаду самого Фридриха II. Атаковать союзные войска было очень рискованно. Ждать, пока Карл вернет Австрии Вену и подойдет к Ольмюцу? Оказаться зажатым между двух армий? Безумие! Наполеону оставалось одно – оторваться от Кутузова и как можно быстрее добраться до Вены и Карла. И сначала разбить его армию, а потом уж вернуться и заняться армией Кутузова. И Наполеон начал отвод войск на юг по дороге Ольмюц – Брно – Вена.

А что делать союзным войскам? Допустить, чтобы Наполеон ушел один и разбил изолированного от них Карла? Но после этого Австрия немедленно заключит с Наполеоном мир, поскольку у нее больше не стало бы армии. И императоры принимают решение идти за Наполеоном.

Однако просто преследование Наполеона не решало главный вопрос – вопрос соединения с Карлом, – ведь Наполеон по-прежнему разделял Кутузова и Карла. Надо было как-то опередить его! Но была европейская зима, то есть в морозы грунт замерзал и делался проедем, в оттепель становился непроходимым. Была оттепель, к примеру, под Аустерлицем многие полки французской пехоты атаковали наши войска босиком, поскольку их обувь застряла в грязи в начале атаки. Наполеон шел по дороге на Брно, за ним по этой же дороге шла союзная армия. И что толку в таком преследовании? Надо было забежать впереди Наполеона, но по грунтовым дорогам и просто по бездорожью это было непросто. Или надо было хотя бы сбить Наполеона с дороги на Брно, что было еще сложнее.

Авангард Багратиона каждый день имел стычки с арьергардом Наполеона, но задержать главные силы французских войск, чтобы дать своим силам их обойти или хотя бы зайти Напо-

леону во фланг, не мог – Наполеон свою армию уводил и уводил, но тоже не мог оторваться от преследования! Так продолжалось 4 дня, пока не настал кульминационный момент.

До этого Наполеон не имел сил остановить преследование. Поскольку союзная армия по численности превосходила французские войска, то Наполеону для арьергарда, способного надолго задержать Кутузова, надо было выделить слишком много сил, и выделить их, по сути, на уничтожение. Однако впереди был город Брно с крепостью, контролирующей дорогу. Вот тут Наполеону можно было задержать союзную армию силами небольшого гарнизона крепости Брно.

Императоры Александр I и Франциск II и штаб союзных войск это понимали: понимали, что если они немедленно что-нибудь не предпримут, то Наполеон оторвется от преследования и разделается с Карлом. Ответственность за судьбу своих стран заставляла императоров принимать решение, хотя на тот момент это были люди, не очень умудренные опытом: австрийскому императору было 37 лет, а русскому вообще 28.

План боя (диспозицию) составил австрийский генерал Вейротер, и, на мой взгляд, она была не только единственно возможной, но и по-своему блестящей. *«План Вейротера был хорош, – говорил Наполеон, – если б моя армия стояла все время не двигаясь, как верстовые столбы. Атакуй я на шесть часов позже – я был бы разбит»*. Наполеон не искренен и не говорит всего, просто нужно представить себе местность.

Дорога с Ольмюца на Брно шла на юг, но не прямо к Брно, а только до широты этого города и уже на этой широте сворачивала на Брно участком километров в 20 с востока на запад. Проходила дорога через город вдоль крепости и только после этого сворачивала строго на юг – на Вену. То есть дороги Ольмюц– Брно и Брно – Вена в этом месте образовывали прямой угол. Практически перед последним переходом Наполеона до Брно, примерно за 15 км до города, союзные армии сошли с дороги влево – в этот угол – и расположились перед и в городке Аустерлиц на ночлег. Что получилось? Союзные войска отошли от дороги Ольмюц – Брно до 10 км и теперь получили возможность на следующий день, сделав рывок в 10–15 км параллельно дороге, а затем повернув к ней, выйти к находящейся на дороге армии Наполеона во фланг или даже в тыл, не дав Наполеону войти в Брно.

Надо сказать, что прямо об этом ни один историк не пишет – все придерживаются принятой в исторической науке «линии партии». Но это становится очевидно, когда читаешь про «обходные колонны» и смотришь на схемах, куда эти «обходные колонны» союзной армии должны были выйти. Но это были не атакующие колонны, а походные колонны войск на марше.

Мало этого, свернув к Аустерлицу вечером 1 декабря 1805 г., союзные войска проделали треть пути (по прямой – по гипотенузе) к дороге Брно – Вена! То есть если удар по Наполеону не имел бы желаемого успеха и не лишил Наполеона возможности прорваться к Брно, то союзные войска могли выйти на дорогу к Вене, минуя Брно. И при любом варианте боя с французами союзные войска становились впереди Наполеона на пути в Вену, после чего уже Наполеон обязан был бы преследовать их на пути объединения союзной армии Кутузова с австрийской армией эрцгерцога Карла.

Что примечательно – Наполеон либо знал, либо разгадал возможность такого развития событий. Обычно этот момент не указан на картах Аустерлицкого сражения, но на одной австрийской схеме показано, что на прямой возможного выхода союзных войск прямо к дороге на Вену стоит некое соединение французских войск. И это соединение могло иметь только одну задачу: задержать прямой выход союзной армии на дорогу Брно – Вена!

Если бы союзные войска и не находились в состоянии жизненной необходимости объединиться с Карлом, то и тогда план спрямить дорогу (замаскировав часть пути ночлегом) и выйти в тыл противнику вошел бы в анналы военной истории. Но для того тяжелого положения, в котором находились молодые императоры, это было блистательным и спасительным решением.

Однако для воплощения этого решения в жизнь требовалось исполнение хотя бы одного из двух обязательных условий: во-первых, Наполеон должен был продолжать отходить на Брно и, во-вторых, исполнением плана должен был заняться ответственный главнокомандующий.

Но ни одно из этих условий не было выполнено!

В войсках союзников был шпион Наполеона, и в этом нет сомнений. Это доказывается тем, что Наполеон подготовился не к обычному бою с идущим на него противником – не сжал войска в один кулак. Наполеон устроил засаду на походные колонны войск союзников, которые они должны были выстроить только назавтра!

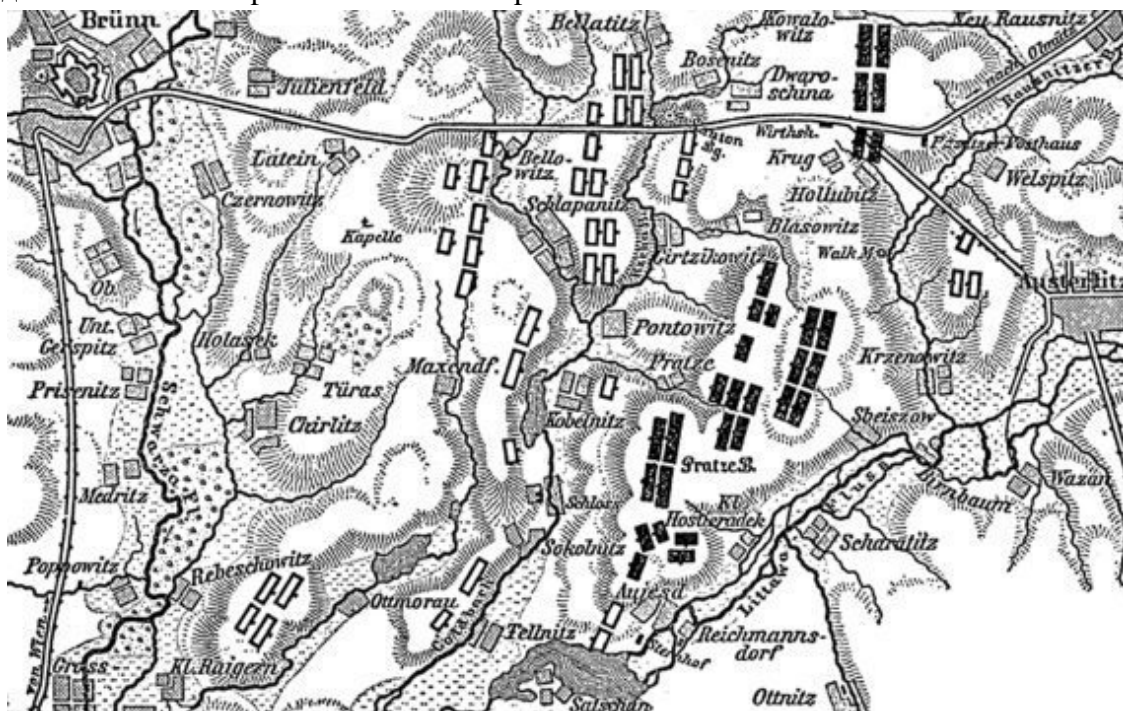

Схема Аустерлицкого сражения

Но это невозможно было сделать, не имея точной диспозиции, – не имея точных маршрутов, по которым войска союзников будут пытаться обогнать французов, невозможно было выбрать места засад. Значит, кто-то передал Наполеону диспозицию генерала Вейротера!

И Наполеон сделал то, на что мог решиться или дурак, или военный гений. Он, оставив на дороге корпус Ланна для прикрытия от прорыва к Брно Багратиона, остальные свои войска растянул вдоль маршрутов предстоящего движения союзных войск. Он расположил свои войска численностью 73 тыс. человек на фронте от фланга до фланга более 15 км! Для сравнения: под Прейсиш-Эйлау 70 тыс. французов вели атаки на 67 тыс. русских и пруссаков на фронте 4,5 км, под Бородино 150 тыс. французов атаковали русскую армию на фронте в 5 км. При том уровне развития оружия меньшая плотность войск разделяла войска на части, которые противник легко мог отделить и уничтожить по отдельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.